

Глава 1

Это был один из тех дней, когда утро без особой на то причины вылетает, как пробка из бутылки шампанского, приятно заполняя голову играющими пузырьками. «Нет, такой день не для джинсов», — думала Эва, стоя перед открытым шкафом. Она не любила наряжаться, не принадлежала к любительницам погружаться в тайны новых коллекций и с упоением отслеживать тенденции и тренды очередного сезона. Они нагоняли на нее смертельную скуку, не говоря уже о том, что жаль было тратить на них время и силы. Одежда существует для того, чтобы зимой было тепло, летом — не слишком жарко, а весь год — удобно. К счастью, Марек в этом отношении не имел завышенных требований. В сущности, если бы она вдруг оделась в мешки для мусора, он бы ничего не заметил, хотя это уже слишком. Что поделаешь, парень был программистом. Девушка выбрала воздушное платье в мелкий цветочек — подарок мамы, один из немногих действительно женственных нарядов в ее гардеробе. Эва не знала почему, но именно сегодня ей захотелось его надеть. Да, это платье идеально подходило к ее хорошему настроению. Эва взгляделась в свое отражение. Из зеркала на нее смотрела кареглазая девушка с россыпью веснушек на носу и каштановыми волосами, падавшими на плечи непокорными волнами. Платье придавало ей стройности и открывало длинные ноги. Хотя Эва никогда не считала себя красавицей, следовало признать, что сегодня она выглядела как-то иначе... Закрыв за собой дверь, девушка решила, что не поедет автобусом, и отправилась в университет пешком. Она и сама не знала, почему улыбается: себе, светловолосой женщине с коляской на остановке и даже подростку, посылавшему миру отнюдь

не положительные сигналы. Ее распирала энергия и волнение, как перед долгожданным свиданием. Но все это было не то — время романтических взлетов давно прошло. Впрочем, Марек и в самом начале их знакомства не был сентиментальным возлюбленным... Хотя был всего лишь конец апреля, солнце ласкало ее кожу и, наверное, первый раз в этом году так сильно давало понять, что приближается лето. Эве просто было хорошо. Да и на что жаловаться? Она никогда и не думала, что сможет столь многого достичь. Место рождения, наверное, действительно определяет уровень веры в себя и ожиданий от жизни. Самая старшая из четырех детей, воспитывавшаяся в деревне, в которой было всего несколько сот жителей, в усадьбе, расположенной на такой окраине, что не каждый автомобиль мог до нее добраться, Эва не мечтала о многом. Собственно говоря, мечта была одна: вырваться оттуда. Этого хотят все, родившиеся в подобном месте, но мало кому это удается. Ей удалось. Возможно, Ольштын — не мегаполис мирового уровня, но для нее жизнь здесь стала крутой переменной. Эва радовалась простым вещам, которые для большинства людей казались очевидными. Что можно выйти из дому не только для того, чтобы поведать соседей. И возможен выбор: пойти в кино или кафе либо просто побродить по городу, зная, что каждый раз есть шанс попасть в новое, неизвестное еще место. Фильмы, книжки, диски, о которых читаешь в газетах, — неожиданно все это оказывается на расстоянии вытянутой руки. Ты не знаешь идущих мимо людей, а они не знают тебя. Для продавщицы в магазине ты одна из тысячи клиентов, и ее не волнует, во что ты одета и когда наконец-то выйдешь замуж.

Эве было непросто достичь теперешнего положения. То, что большинству амбициозных молодых людей кажется естественным ходом вещей, для нее было долгим восхождением, к тому же иногда по очень скользкой лестнице. После многих лет все более продолжительных и сложных поездок в очередные учебные заведения она поступила на микробиологию, выбрав, конечно, ближайший университет, и быстро убедилась, что человек может тратить на сон очень мало времени: ей пришлось сразу искать работу, чтобы оплачивать общежитие и покрывать скром-

ные расходы на жизнь в городе. А еще каждый месяц отправлять что-нибудь семье, оставшейся в Венжувке. После занятий в университете девушка бежала в магазин на вторую смену, а ночи проводила в зубрежке. Со второго курса вахтер пан Хенрик пускал ее после окончания рабочего дня в лабораторию, чтобы Эва могла закончить исследования, которые ее сокурсники проводили после обеда. Последовательность действий, которые необходимо выполнить так, чтобы получить определенный результат, — это буквально затянуло ее с головой. Когда техникой уже овладел, наступает время для поиска и тестирования собственных методов. Эва обожала эмоциональное напряжение, сопровождающее ожидание и проверку: достигнут ли результат. Иногда выходило, иногда — нет. Когда получалось, девушка чувствовала возбуждение, как путешественник, открывший новую, неизвестную землю. Она любила науку. К счастью, оказалось, что такие открытия удаются ей лучше, чем другим. Еще до окончания обучения профессор пригласил ее в исследовательскую группу, а после яркой защиты магистерской диссертации Эва поступила в аспирантуру и получила работу на кафедре, а для аспирантов это было запредельной мечтой. Теперь она смогла отказаться от дополнительных заработков и уже самостоятельно, только для себя, снять однокомнатную квартиру. Эве исполнилось двадцать пять лет, и она делала то, что ей действительно нравилось. И это было только начало. Впереди ее ожидала многообещающая карьера.

Захватывающий мир микроорганизмов, выделение чистой культуры бактерий и углубление процессов микробиологической деструкции — все то, чем она жила каждый день, для большинства было черной магией. Никто ни в деревне, ни в ее родном доме не мог даже повторить — не то чтобы понять! — тематику, которой она занималась. И, безусловно, уже очень давно никому из Венжувки не удавалось продвинуться так далеко...

Хотя дорога до работы была долгой, Эва совсем не устала. Она шла по коридору, чуть зарумянившись от весеннего солнца, с растрепанными ветром каштановыми волосами, в которых поблескивали золотистые пряди, и встречные студенты провожали

ее восхищенными взглядами. Она их не замечала. Хотя мама называла ее в детстве «своей хорошенькой доченькой», Эва не считала себя красавицей. И сосредотачиваться на собственной привлекательности считала не слишком умным и не совсем подобающим женщине, которая хочет, чтобы ее воспринимали серьезно. Она же хотела, чтобы к ней относились именно так. Не как к красивой кукле. Этого сложно было добиться в родной деревне. Единственное, на что она могла там рассчитывать, — это свист в сочетании с не особо изысканными комментариями и плевками, которые в понимании местных донжуанов, вероятно, были примитивной формой мужского восхищения.

Эва без стука открыла дверь и вошла в лабораторию, в которой стоял длинный рабочий стол.

Увидев ее, профессор Ярош вскочил с места.

— Так ты уже знаешь?!

— О чем? — Несмотря на официальный переход на «ты» после получения ею звания магистра, Эве по-прежнему было трудно переломить себя, и она по возможности старалась использовать при общении с профессором безличную форму.

— Да о Париже! Я решил, что ты каким-то чудом узнала, потому что выглядишь так, будто сейчас взлетишь.

— О каком Париже? Я ничего не знаю!

— Ты едешь в Париж! То есть ты еще должна пройти второй этап, но это, по-моему, чистая формальность.

Прошла минута, прежде чем из лихорадочного обмена фразами девушка поняла, о чем речь. Некоторое время назад профессор подал за нее заявку на стипендию в группе мирового гуру микробиологии — к слову, его давнего приятеля. Нынешний гуру примерно лет тридцать назад был куратором и одновременно гидом Яроша во время его стажировки во Франции. Тогда они выпили море вина, и молодой кандидат наук из Польши познакомился с такими экзотичными для него произведениями романской культуры, как сыры с плесенью, изысканные киши, а также с легендарным эскарго. Прославленный француз — если верить слухам, бытовавшим в профессиональных кругах, уже несколько лет один из главных кандидатов на Нобелевскую пре-

мию — по просьбе польского коллеги прочитал публикацию Эвы об использовании новых биоцидных веществ в дезинфекции бумаги первопечатных изданий, что само по себе было большим достижением, и отобрал ее как одну из немногочисленных кандидатов на стажировку в своей группе. Ее конкурентами были японец и американка. Если она получит это место, что, по мнению Яроша, было несомненно, то присоединится к проекту, в котором принимают участие лучшие молодые микробиологи со всего мира и который имеет шанс коренным образом изменить их область науки. К тому же минимум на восемь месяцев она переедет в Париж! Эве пришлось присесть.

И как же не верить в интуицию?! Утренний прилив энергии теперь укладывался в логическое целое с дальнейшим развитием событий, если тут вообще можно было говорить о логике. Это определенно был ее день. По крайней мере, она думала так до того момента, пока не покинула стены факультета. Эва схватилась за телефон. Она должна рассказать обо всем Мареку!

— В Париж? А зачем? — Это не было похоже на то, что хочется услышать от любимого после объявления такой новости. Но в этом был весь Марек. До боли прагматичный, не отличающийся особой способностью к сочувствию.

Они познакомились на вечеринке у общей знакомой. Разговорились о том, что Эва как раз планирует купить компьютер. Марек помог его выбрать и установил все, что нужно. В качестве благодарности девушка пригласила его в кино, после которого он без лишних церемоний спросил, можно ли зайти на кофе. Эва согласилась, потому что в его жесткости и ауре недоступности было что-то притягательное, что-то, что искушало попробовать через это пробиться. В ее маленькой комнате парень просто принялся за дело, а на следующий день все выглядело так естественно, словно они уже давно были парой.

Прошло три года. У Марека была компьютерная фирма, которую он основал вместе с бывшим однокурсником, и вполне серьезные клиенты. Он купил квартиру в кредит и, что удивило Эву, сразу предложил жить вместе. Это было не в его стиле, а она не была уверена, что готова, хотя их связь уже давно стала

естественной частью ее жизни. Даже удивительно, как сильно Эва к нему привязалась, хотя сказать, что от любви она потеряла голову, было трудно. Они совсем неплохо существовали вместе, и Эве импонировали его амбиции. У Марека был план на будущее, еще более точный, чем у нее, — в отличие от него, девушка не составила список ключевых целей, охватывающий пятилетку и годовой запас реализации. Однако при этом они были «студенческой парой», и это ей подходило. Совместное проживание означало бы серьезный шаг и достаточно четкое, в ее понимании, заявление. Итак, перед Эвой встал вопрос, хочет ли она сделать такое заявление.

С одной стороны, Марек был не самым открытым и многословным человеком под солнцем — в принципе, порой он больше напоминал страдающего легкой формой аутизма. Иногда Эве казалось, что ее парень действительно не с этой планеты. Но есть ли в мире женщина, которая хоть раз не подумала так о своем парне? С другой стороны, Марек был человеком, с которым можно что-то строить. А она хотела строить. Хотела идти вперед и достигать большего.

Эва решила. Переехала к нему. У него, без сомнения, были недостатки, но у кого их нет? Эве без труда удавалось их игнорировать, что она сделала и во время этого разговора.

— Я все расскажу тебе вечером. Отметим это. Я приготовлю ужин. *Французскую* кухню. — Эва засмеялась и побежала за покупками.

Ассортимент сыров в лучшем ольштынском магазине деликатесов не сбивал с ног, но это не могло испортить ее шампанского настроения. Именно — шампанского! Оказалось, что настоящее — о чудо, оно было! — стоит решительно слишком дорого, даже по такому случаю, и она с огорчением отказалась от безумия, удовлетворившись игристым вином. Положив в тележку багет, Эва внезапно замерла. Интересно, что она подумала об этом только сейчас. Ведь отъезд означал восьмимесячную разлуку с Мареком! Однако в голову тут же пришли аргументы, смягчающие осознание данного факта: есть дешевые рейсы, есть скайп. В нынешние времена физическая

разлука означает не то же самое, что еще несколько лет назад, когда не было всех этих гаджетов, благодаря которым без проблем можно общаться с целым миром. Возможно, Марек сможет ненадолго приехать? Ведь он часто работает удаленно, через компьютер, и не имеет значения, где он находится. В общем, нужно многое обсудить за французским ужином.

Но вечер пошел не так, как планировала Эва. Придя домой, Марек сразу развалился на диване с тарелкой, на которую положил сыры и кисточку винограда. На все протесты он заявил, что не может пропустить финал волейбольной лиги, и потянул ее за собой на софу. Эва разозлилась, но не захотела устраивать скандал. К тому же она знала, что Марек не переносит брюзжания и, если почувствует себя прижатым к стенке, может уйти из дому, чтобы посмотреть матч в пабе. Во время перерыва в матче он обнял ее и сказал:

— Я правда рад. Поздравляю, гений...

Эва только улыбнулась. Это, конечно, не корзина цветов, но она знала, что Марек говорит искренне и что для него это настоящий подвиг многословия. Она встала, чтобы долить вина, когда зазвонил телефон.

— Привет, папа. Мама тебе сказала?

Эва уже успела рассказать все матери и удивилась, что отец позвонил. У него не было привычки использовать телефон для разговоров, не имевших определенной практической пользы, но, возможно, Эва его недооценивала: такой успех дочери должен был произвести на него впечатление.

— Что? Папа, что ты говоришь?! — В течение следующей минуты она повторила этот вопрос еще много раз. Ей казалось, что время остановилось и она падает в бездонный темный колодец. Наконец какая-то связь нейронов в ее мозгу встала на место и до сознания дошла информация, которую сообщил отец.

В этот момент все закончилось. Конечно, Земля не перестала вращаться вокруг Солнца, а люди во всех уголках мира не перестали есть, любить и заниматься своими более или менее важными делами, но для нее это был конец. Конец детства и той жизни, которую она знала и понимала. Эва опустилась на диван.

— Что случилось? — буркнул Марек, не отрывая взгляда от телевизора.

Прошла долгая минута, заполненная чрезмерно экзальтированным потоком слов комментатора, которые не достигали сознания Эвы, прежде чем она ответила:

— Мама умерла.

Глава 2

В автобусе воняло выхлопными газами. Эва ворочалась в тесном кресле, пытаясь устроиться поудобнее: толстый ксендз, севший в Бискупце, занимал не только соседнее место, но и часть ее сиденья. Он дремал, и его свистящее дыхание неприятно пахло. Тяжелая потная рука ксендза ежеминутно бессильно падала Эве на колено, но девушка не реагировала, ей было все равно. Она невидящим взглядом смотрела в окно, чувствуя, как внутри все сжимается, и изо всех сил старалась не расплакаться — не дай бог, кому-нибудь придет в голову расспрашивать ее о причине и утешать. Эва не хотела жалости чужих людей, кусала губы, сдерживая слезы, и казалось, что отчаяние сейчас взорвет ее изнутри.

Проехали Мронгово, в это время года уже шумное и пульсирующее жизнью. Автобус на кольце повернул в сторону Кеншина. Через минуту гладкий асфальт закончился, и пассажиры начали подпрыгивать на выбоинах. Местность была живописной. Весна везде кипела жизнью и красотой. Сочная зелень поля и лесов, спускающихся к Мазурским озерам, манила туристов, любителей здешнего отдыха.

Длинные уик-энды — польская особенность. Три дня отпуска — и неделя с лишним отдыха. Беззаботные улыбающиеся дачники гуляли по обочинам или с усилием крутили педали модных горных велосипедов. Честно говоря, Эва не могла сегодня на них смотреть.

К счастью, толстый сосед вышел в Мронгове, и стало свободнее. Девушка сняла обувь и подтянула колени к подбородку,